

Даля Трускиновская

Перешейцы

Часть сборника
Закон Дальнего космоса
(сборник)

Даля Трускиновская

Перешейцы

«Автор»

2004

Трускиновская Д. М.

Перешейцы / Д. М. Трускиновская — «Автор», 2004

«Когда на первом курсе у нас было творческое задание – моделирование пословиц, поговорок и всяческих идиом, исходя из довольно странных вводных, – общий восторг вызвал такой перл: «хвастается, как родитель». По крайней мере, мои охватили своим хвастовством весь город. Не осталось грудного младенца, который бы не знал, что Сашка Зенин принят в Академию астронавтики на факультет гипнолингвистики. Особенно деда с бабками старались, загибая пальцы: во-первых, стипендия огромная, а в дальнейшем – оклад и премиальные просто астрономические; во-вторых, пенсионный стаж короткий (это они особенно подчеркивали, гипнолингвист в тех редких случаях, когда работает, пашет с такой нагрузкой, что год за десять, хотя сам этого сперва не замечает); в-третьих, его берегут, все переходы он проводит в анабиозе (слово «перелет» я истребил из семейного обихода раз и навсегда, это воробей летает, а суда ходят, в особых случаях бегут); были еще в-четвертых, в-пятых и в-тыщу-двести-сорок-пятых...»

© Трускиновская Д. М., 2004

© Автор, 2004

Далия Трускиновская

Перешейцы

Когда на первом курсе у нас было творческое задание – моделирование пословиц, поговорок и всяческих идиом, исходя из довольно странных вводных, – общий восторг вызвал такой перл: «хвастается, как родитель».

По крайней мере, мои охватили своим хвастовством весь город. Не осталось грудного младенца, который бы не знал, что Сашка Зенин принят в Академию астронавтики на факультет гипнолингвистики. Особенно деды с бабками старались, загибая пальцы: во-первых, стипендия огромная, а в дальнейшем – оклад и премиальные просто астрономические; во-вторых, пенсионный стаж короткий (это они особенно подчеркивали, гипнолингвист в тех редких случаях, когда работает, пашет с такой нагрузкой, что год за десять, хотя сам этого сперва не замечает); в-третьих, его берегут, все переходы он проводит в анабиозе (слово «перелет» я истребил из семейного обихода раз и навсегда, это воробей летает, а суда ходят, в особых случаях бегут); были еще в-четвертых, в-пятых и в-тыщу-двести-сорок-пятых.

А я, честно говоря, сунулся на гипнолингвистику с горя, потому что не прошел на факультет полевой разведки по физическим данным. Тренируйся хоть до инфаркта, а против собственной анатомии не попрешь...

Но я знал, главное – зацепиться. Когда окажусь в экипаже, тогда и разберемся, кто тут больше подходит для полевой разведки!

Нельзя сказать, что из меня получился блистательный гипнолингвист. Я попал на факультет по результатам тестирования – то есть, у меня изначально была почти не развитая способность к считыванию, а также сидящая в какой-то очень глубокой щели промеж извилин способность к системному анализу. Вот ее из меня долго выманивали! Даже чуть не отчислили. Но я удержался и стал специалистом не хуже прочих. На последней практике, а выкинули нас на восточном побережье Африки, я заговорил на местном языке после двадцатиминутного прослушивания. Это хороший результат, у нас были ребята, кому хватало и десяти минут, но ведь все зависит от текстов, которые слышишь, от обстановки, от инфонасыщенности, а некоторые дикари умеют ставить блоки, что кажется нереальным, однако встречается чаще, чем хотелось бы. Потом выяснилось, что прокрутка в голове белого шума для охотника – тоже оружие, потому что иная дичь имеет не меньше способностей к гипнолингвистике, чем наш первокурсник.

После Академии я был направлен в транспортный флот в должности лейтенанта и прикомандирован к Главной инспекции. Была у них там неизвестно зачем штатная единица «гипнолингвист-психолог». Наверно, на случай аварии инспекционного лайнера с начальством где-нибудь совсем на периферии. Я там взвыл от скуки, а потом ребята перетащили меня на экспедиционный борт, и все решилось буквально в двадцать четыре часа. Я даже не понял, куда и за каким чертом меня несет, как шлепнулся в анабиозный саркофаг.

А потом я проснулся.

Собственно говоря, именно к этому меня и готовили. Лечь в ванну на борту, а открыть глаза где-нибудь за Альфой Центавра. Но и в кошмарном сне мне бы не привиделась такая картина: я лежу по уши в грязюке, а надо мной – чумазая рожа Люськи фон Эрдвиц, рот в крови – губа прокушена, а дрожащий голосишко причитает:

– Ну, Сашка, ну, Сашенька, миленький, солнышко, давай, просыпайся!..

– Какое я тебе солнышко?! – еле произнес я.

Нас испытывали на переносимость анабиоза, но тогда с каждым нянчилась бригада медиков. Стоило открыть глаза – вот тебе таблеточка, вот тебе кислородный коктейль и вот тебе ароматерапия!

Тут была такая ароматерапия, что меня чуть не вывернуло.

– Люська, кто из нас обделался?..

– Чтоб ты сдох! – ответил Люська. – Это же болото! Откуда я знаю, кто здесь нагадил?

– А мы, значит, прямо в кучу приземлились?

Я сел. Голова плыла сквозь радужные облака. Люська поддержал меня.

Его дражайшие предки с трудом нашли бы на глобусе свой ненаглядный фатерлянд, но вот назвать сына Люсьен-Мария – на это их хватило, это они проделали без посторонней помощи. Люсьен-Мария фон Эрдвиц! Убиться веником! Особенно если представить себе этого фона на его доподлинной, а не исторической родине – в Челябинске.

Его в экипаже пробовали звать Машкой, дело кончилось мордобоем в спортзале, плохо замаскированным под спарринг. На Люську он волей-неволей соглашался, но без особого энтузиазма. Борька Нестеров стал врагом номер раз только за то, что однажды позвал через весь холл: «Лю-у-сик!»

– Мы приземлились на Эф-сто-семнадцать, если это тебе что-либо говорит, – сообщил Люська. – Еле успели вскрыть капсулы с анабиозниками.

– Так это что – аварийная посадка?

– Вот-вот.

– А?.. Крейсер где?..

– Спроси чего полегче.

Я был так ошарашен новостью, что даже про тошнотворный запах как-то забыл.

Люська сам плохо понял, что произошло. То ли антиметеоритная защита отказала, то ли вообще нас какой-то неведомый враг подшиб. Дальше события развивались по принципу: спасайся, кто может.

Нет, конечно же, экипаж активизировал космоботы, но куда они все рухнули – этого понять мы с Люськой не могли. Наш двухместный, скажем, на болото, и тут же ушел, пуская пузыри, на глубину. Вытащить его вдвоем из трясины мы не могли – а там было все, и навигационное оборудование, и НЗ, и аптечка.

У нас оставалось только то, что было вмонтировано в шлемы скафандров. То есть – датчики температуры, атмосферы, медицинские датчики, псионы и переговорные устройства, совершенно бесполезные по случаю отсутствия терминала.

У Люськи хватило отваги разгерметизироваться. Датчик утверждал, что кислорода и азота тут достаточно для млекопитающих типа хомо эректус, – вот Люська и рискнул. Про болотную вонь датчик, понятное дело, умолчал.

– Встать можешь? – спросил Люська. И, поднявшись, протянул мне руку.

Встать я смог. Но зачем? Мы понятия не имели, куда двигаться.

Вокруг был какой-то неприятный пейзаж. Полумрак, потому что огромные серые разлапистые листья над нами почти смыкались. Мелкая суета под ногами – какие-то сороконожки так и носились взад-вперед. Еще прямо из воды торчали сухие и на вид колючие веники.

– Наши где-то поблизости, – твердил Люська. – Не может быть, чтобы мы одни уцелели!

И мы пошли.

Пару раз провалились по пояс, но выкарабкались. Больше всего мы боялись ночи, ночью всякая живность выходит на охоту, но темнота все не наступала и не наступала. Наконец набрали на тропу.

– Кто и зачем тут гуляет? – спросил Люська. – Если это какой-нибудь бронтозавр – то мы рискуем прийти к его логову аккурат на ужин.

– Мы тут ничего крупнее лягушки еще не видели, – успокоил я его. – Тут нет дичи для большого хищника.

И сразу же донеслось чавканье и плюханье.

Мы шархнулись с тропы и засели за кочкой.

Когда мы увидели, кого несет по болоту, то чуть не взвизгнули от восторга.

Это были две человекообразные фигуры, и они волокли за собой что-то тяжелое, привязанное к двум оглоблям. Оно-то, переваливаясь с бока на бок, и плюхало.

Оставив свой груз, две фигуры, а были они покрыты таким слоем грязи, что и не разобрать, лица у них или морды, полезли в самую мерзкую слякоть. Они нашаривали в глубине какие-то белые корневища, тащили их, сколько могли, обрезали ножами и кидали на свою волокушу. Там уже лежало довольно много этого добра. Обшарив все окрестности – и заставив нас отступать все глубже и глубже, – аборигены решили, что на сегодня хватит. Они увязали груз и потащили его прочь по тропе, а мы осторожно пошли следом.

– Ты что-нибудь понял? – спрашивал Люська. – Нет, ты правда понял?

Он думал, что гипнолингвист по трем десяткам слов, одиннадцать из которых явно ругательные, способен реконструировать язык во всей его полноте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.